

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ В ПРАВЕ:
«ВОЛШЕБНОЕ СТЕКЛО»
КОДИФИКАТОРА
(к 250-летию со дня рождения
Михаила Михайловича Сперанского)

Труды международной научно-практической конференции

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 2023

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

ISBN 978-5-288-06344-2

Редакционная коллегия:

Малышева Наталия Ивановна — канд. юрид. наук,
доц. кафедры теории и истории государства и права СПбГУ;
Суязов Вячеслав Валерьевич — канд. юрид. наук,
доц. кафедры теории и истории государства и права СПбГУ;
Тимошина Елена Владимировна — д-р юрид. наук, проф. кафедры
теории и истории государства и права СПбГУ;
Юдина Марина Игоревна — канд. юрид. наук,
доц. кафедры теории и истории государства и права СПбГУ

Ответственный редактор

Луковская Джаневра Игоревна — д-р юрид. наук,
проф. кафедры теории и истории государства и права СПбГУ,
заслуженный деятель науки Российской Федерации

**(2 Мб) Систематизация в праве: «Волшебное стекло» кодификатора
(к 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского):
Труды международной научно-практической конференции. Санкт-
Петербург, 14 октября 2022 г. / под общ. ред. Д. И. Луковской.**

14 октября 2022 года на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета состоялась международная научно-практическая конференция «Систематизация в праве: «Волшебное стекло» кодификатора», посвященная 250-летию со дня рождения Михаила Михайловича Сперанского. Целостность и многоаспектность освещения законоведческой деятельности Сперанского позволили актуализировать ряд его политико-правовых идей в свете проблем современной юриспруденции, подняв вопросы доктринальных оснований правовой политики и государственного нормотворчества, систематизации нормативных правовых актов, осуществления правосудия, развития национального юридического образования. В издании собраны статьи, представленные по теме конференции.

Подписано к использованию 02.06.2023

Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, д. 11.

Тел./факс +7(812) 328-44-22

E-mail: publishing@spbu.ru publishing.spbu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Луковская Джаневра Игоревна, Тимошина Елена Владимировна</i> (Россия, Санкт-Петербург)	
М. М. Сперанский и Петербургская школа философии права	5
<i>Архипов Владислав Владимирович, Карамышев Олег Михайлович</i> (Россия, Санкт-Петербург)	
Создатели первого Полного собрания и Свода законов Российской Империи	13
<i>Павлов Вадим Иванович (Беларусь, Минск)</i>	
Русская правовая мысль между консерватизмом и либерализмом (к 250-летию со дня рождения М. М. Сперанского).....	28
<i>Ящук Татьяна Федоровна (Россия, Омск)</i>	
От Свода законов Российской империи к Своду законов СССР (отечественная историко-правовая традиция сводообразования).....	43
<i>Соколова Алла Анатольевна (Беларусь, Минск)</i>	
Проблемы модернизации законотворческой деятельности в эпоху современных технологий	49
<i>Меньшикова Галина Александровна, Евстратчик Светлана Васильевна</i> (Россия, Санкт-Петербург)	
Досье нормативного правового акта: необходимость и возможность в условиях современной цифровизации	62
<i>Горюшина Юлиана Вадимовна (Россия, Тамбов)</i>	
М. М. Сперанский о задачах (функциях) законотворческой деятельности в Российской империи (введение в проблематику).....	78
<i>Шатковская Татьяна Владимировна (Россия, Ростов-на-Дону)</i>	
Вклад М. М. Сперанского в технологию кодификации российского права.....	86
<i>Трикоз Елена Николаевна (Россия, Москва)</i>	
Позитивистские идеи Дж. Бентама в проектах уголовно-правовой кодификации эпохи М. М. Сперанского	95
<i>Жданов Павел Сергеевич (Россия, Нижний Новгород)</i>	
Идейно-мировоззренческие основания реформаторской деятельности М. М. Сперанского	111
<i>Приходько Михаил Анатольевич (Россия, Москва)</i>	
М. М. Сперанский и попытка завершения правового оформления министерской системы управления в 1811 г.	121

<i>Александров Алексей Анатольевич (Россия, Москва)</i>	
Уголовное дело Л. Н. Струйского 1816–1819 годов в контексте развития М. М. Сперанским доктрины судебной власти и практики осуществления правосудия	127
<i>Милинчук Дарья Сергеевна (Россия, Москва)</i>	
«Расчистка» законодательства: объективная необходимость и реальная действительность	142
<i>Ревнов Борис Александрович (Россия, Санкт-Петербург)</i>	
Вопросы систематизации правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации	152
<i>Окунева Марина Олеговна (Россия, Москва)</i>	
Участие Академии наук СССР в систематизации законодательства в конце 50-х — 70-е гг.	166
<i>Самородов Владимир Юрьевич (Россия, Тамбов)</i>	
О культуре правотворчества по воззрениям М. М. Сперанского (к постановке вопроса)	178
<i>Гусарова Светлана Витальевна (Россия, Москва)</i>	
М. М. Сперанский как основатель идеи русского конституционализма (к юбилею выдающегося российского реформатора)	184
<i>Щерова Наталья Сергеевна (Россия, Нижний Новгород)</i>	
Деятельность М. М. Сперанского и ее восприятие дореволюционной юридической журналистикой	195
<i>Лонская Светлана Владимировна (Россия, Калининград)</i>	
Концепция правосудия М. М. Сперанского	202
<i>Юдина Марина Игоревна (Россия, Санкт-Петербург)</i>	
М. М. Сперанский о верховенстве «правильного» Закона	209
<i>Varga Csaba / Варга Чаба (Венгрия, Будапешт)</i>	
Law, logic and structuration in legal systematics / Право, логика и природа правовой систематики	226
<i>Nikolić Aleksa / Николич Алекса (Сербия, Белград)</i>	
Constitutional Identity of Russian Federation / Конституционная идентичность Российской Федерации	240
<i>Марковић Ђорђе Драгослав / Маркович Георгий Драгослав (Сербия, Белград)</i>	
Judicial appointments in Russia and Serbia through the prism of the standards of the Council of Europe and the Venice commission / Выборы судей в России и в Сербии в зеркале стандартов Совета Европы и Венецианской комиссии	250

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО Л. Н. СТРУЙСКОГО 1816–1819 ГОДОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ М. М. СПЕРАНСКИМ ДОКТРИНЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ И ПРАКТИКИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ

Аннотация: В статье характеризуется участие М. М. Сперанского в рассмотрении уголовного дела помещика, избившего и приказавшего пороть дворового человека. Судебный процесс, в котором расследовались обстоятельства смерти крепостного, позволяет реконструировать социальный и правовой контекст развития представлений М. М. Сперанского о законе и суде, продемонстрировать, как представления юриста реализовывались им в правоприменительной практике. Характеризуются объективная, системная и комплексная оценка доказательств, возможность установить уголовное наказание даже при отказе подсудимого признать вину. Отмечается тенденция по передаче административных и судебных полномочий помещиков в отношении крепостных государственным органам, обеспечение гарантии безопасности свидетелей. Делается вывод о системности в рассмотрении и разрешении судом конкретных социальных конфликтов, связанных с действительными или предполагаемыми нарушениями норм права. Показано следование М. М. Сперанского принципам справедливости правосудия и неотвратимости наказания.

Ключевые слова: суд, правосудие, крепостное право, уголовный процесс.

Систематизация российского права — результат применения на практике правовой доктрины М. М. Сперанского. *Системность политико-правовых представлений о законе, праве и государственной власти* — отличительная черта мировоззрения Сперанского. Есть внутреннее единство, при всех очевидных различиях, главных трудов М. М. Сперанского — Записки 1803 года об устройстве судебных и правительственных учреждений в России, «Введении к Уложению государственных законов» 1809 г., законопроектах 1808–1812 гг., созданных для Комитета 6 декабря 1826 г. текстах, сочинениях периода подготовки Полного собрания и Свода законов, проектах «Учреждения коммерческих судов» и «Устава судопроизводства в судах коммерческих» (30 октября 1830 г. — 11 февраля 1832 г.)¹, конспектах лекций цесаревичу Александру Николаевичу 1835–1837 гг. Законодательство мыслилось М. М. Сперанским как звено единой и продуманной правовой политики Российской империи. ADMINISTRA-

¹ История суда и правосудия в России. Т. 3. Гл. 37. Коммерческие суды в России / авт. раздела Архипов И. В. М., 2019. С. 544–546.

тивная и судебная функции должны были осуществляться на основе и в соответствии с требованиями закона. *Государство — система власти, учреждений и норм*. Подобный взгляд снова и снова возвращал М. М. Сперанского к соотношению категорий «законодательная, исполнительная и судебная власти». Правосудие понималось как юридический процесс, в основе которого — соотнесение поведения человека с нормами права². Размышляя о «волшебном стекле» кодификатора, следует анализировать в первую очередь идеи М. М. Сперанского о сущности суда и судопроизводства, а не только судоустройства, которое, как правило, находится в центре внимания историко-правовой литературы о Сперанском.

М. М. Сперанский был судьей — членом «Верховного уголовного суда для суждения злоумышленников, открывшихся 14 декабря 1825 года». Подчеркнем, что в течение всей своей государственной службы он неоднократно и непосредственно участвовал в осуществлении правосудия в качестве Государственного секретаря в 1810–1812 гг., Пензенского гражданского губернатора в 1816–1819 гг., генерал-губернатора Сибири в 1819–1821 гг., члена Государственного совета с 1821 года. Кроме того, государственный деятель готовил проекты актов императора по судебным делам, занимая различные должности в первые годы правления Александра I (товарищ министра юстиции, докладчик по делам Финляндии).

Подготовка процесса и участие в проведении суда над декабристами — ключевой момент для понимания историко-правовой наукой деятельности М. М. Сперанского как судьи³. Уголовное дело, название которого вынесено в название статьи, по своему юридическому и социальному значению не сопоставимо с процессом над участниками декабристского движения. Губернский секретарь Леонтий Николаевич Струйский (1780 или 1784–1825?) — пензенский помещик, эмоционально нестабильный человек, страдавший алкоголизмом. В 1816 году дворянин избил и приказал дворовым людям запороть своего крепостного Михайло Семёнова. Процесс продолжался с 1816 по 1819 год и завершился осуждением помещика. В 1818 году М. М. Сперанский участвовал в производстве по делу

² Александров А. А. Вклад М. М. Сперанского в формирование доктрины судебной власти и правосудия // Имена московской науки: материалы Международной научно-практической конференции. М.: МГУУ, 2018. С. 41–53.

³ Боленко К. Г. Верховный уголовный суд в системе российского правосудия: конец XVIII — середина XIX вв. М., 2013. С. 145–173, 186 и след.

в качестве Пензенского гражданского губернатора. Как известно, Учреждение для управления губерниями 7 ноября 1775 года — 4 января 1780 года предусматривало, что в полномочия главы губернии входили утверждение и исполнение приговора. Губернатор имел право отказаться от утверждения приговора, который передавался в этом случае в Сенат.

Почти мистическим совпадением является то, что, когда осужденный Струйский прибыл в Тобольск на поселение в 1820 году, генерал-губернатором Сибири был М.М.Сперанский, назначенный на эту должность в 1819 году. Нельзя не вспомнить печальные шутки Сперанского в письмах к близким, что ему самому рано или поздно не избежать Сибири.

Цель статьи — показать на конкретном примере уголовного дела социальный и правовой контекст развития представлений М.М.Сперанского о законе и суде, продемонстрировать, как представления великого юриста реализовывались им в правоприменительной практике. Были изучены материалы дела, сохранившиеся в РГИА и Государственном архиве Иркутской области⁴. Сноски на листы архивных дел даются в тексте в скобках.

Выбранное для анализа дело — не прецедент. Дело не получило широкую огласку. Но оно является примером уголовного наказания дворянина, убившего своего крепостного или умышленно причинившего такой тяжкий вред здоровью, который повлек за собой смерть потерпевшего. Подобные преступления не были массовыми. Вызваны они были, как представляется, все же патологиями личности конкретных помещиков, не являлись формой внеэкономического способа подчинения крепостных. Фактически уголовная ответственность за убийство дворянином его крепостного была установлена в 1762 году сенатским указом как результат рассмотрения уголовного дела отставного поручика В.Нестерова⁵. Дело Л.Н.Струйского значимо для оценки сложного комплекса норм

⁴ Российский государственный исторический архив. Ф.1151. Оп. 1 за 1819. Д. 70. О губернском секретаре Л. Струйском, судимом за неумеренное наказание дворового человека М. Семёнова (далее — РГИА); Государственный архив Иркутской области. Ф. 713. Иркутское губернское правительство. Оп. 1. Д. 10. Статейные списки и уведомления о сосланных в Сибирь из разных губерний на каторжные работы и поселения. 1820 г. (далее — ГАИО).

⁵ История суда и правосудия в России. Т. 3. М., 2019. С. 380.

права и правоприменительной практики, связанной с правоотношениями дворянина-помещика и крепостного в эпоху Александра I.

Губернский секретарь Л. Н. Струйский был сыном богатого и экзальтированного землевладельца Н. Е. Струйского (1749–1796), портрет которого работы великого живописца Ф. С. Рокотова хранится в Государственной Третьяковской галерее. Незаконный сын Л. Н. Струйского — поэт А. И. Полежаев (1804–1838). Материалы уголовного дела 1816–1819 гг. были частично опубликованы для иллюстрации условий, в которых проходило детство литератора⁶.

Фактические обстоятельства дела таковы. В августе 1816 года Л. Н. Струйский «воротился из Москвы в иступлении ума» в Пензенскую губернию (РГИА. Л. 9 об.). Алкоголизм Струйского не вызывает сомнений. Как он объяснял матери, «вино он только для здоровья употребляет, к которому уже привык» (РГИА. Л. 10). Помещик, судя по позднейшим показаниям свидетелей, совершал неадекватные поступки, был агрессивным и периодически избивал дворню. Однако многочисленные свидетельства его неадекватного поведения, намекающие на невменяемость, собранные в уголовном деле, могли быть и способом спасти его от уголовного наказания.

Поздно вечером 20 сентября 1816 года дворовый человек Михайло Семёнов был выпорот розгами по приказу помещика. Поводом послужило обвинение в том, что крепостной, 17 сентября 1816 года направленный барином с письмом — просьбой о деньгах к матери помещика А. П. Струйской, проживавшей в роскошном поместье Рузаевка, якобы «пожаловался» на алкоголизм своего барина. М. Семёнов вернулся пьяным и без денег (барыня не отказала сыну в средствах). Крепостной был избит самим Л. Н. Струйским до и уже после экзекуции, когда «люди, видя чрезмерность, сами сечь перестали», причем помещик бил ногами лежавшего человека (РГИА. Л. 4). Рано утром 22 сентября 1816 года М. Семёнов умер в селе Покрышкино Саранского уезда.

В расследовании 26–29 сентября 1816 года принимали участие дворянский заседатель и уездный стряпчий. Были зафиксированы следы побоев и сечения розгами. Однако штабс-лекарь под присягой показал, что смерть наступила от «полнокровия». В дело включены первоначальные показания вдовы умершего и его сына о том, что смерть произошла от естественных причин. Похороны состоялись 30 сентября 1816 года.

⁶ Воронин И. Новые данные о Полежаеве. Саранск, 1940. С. 105–171.

1 октября 1816 года зять умершего, пономарь Трёхсвятской церкви в г. Саранске (здание храма, возведенное в 1760-х годах, сохранилось до наших дней), подал в земский суд объявление о том, что считает причиной смерти своего тестя побои, следы которых зафиксированы следствием. Он просил дело «переследовать», делегировав других чиновников.

Материалы повторного расследования содержат показания свидетелей вскрытия, что смерть наступила от побоев, однако, с их слов, лекарь утверждал, что «от облития сердца кровью» (РГИА. Л. 3 об.). Вдова дала новые показания, сообщив, что муж рассказал ей, что был бит по приказу помещика. Сын умершего утверждал, что помещик вмешивался в допросы при первоначальном расследовании, угрожал ему, дал пощечину и даже «велел отвести под караул» в избу другого крестьянина. Сын заявил, что Струйский заставил его при дворянском заседателе, уездном стряпчем, лекаре и священнике подписать ложные показания.

Непосредственные исполнители экзекуции-порки (два человека) и пять человек, державших руки и ноги жертвы, утверждали, что действовали по приказу помещика, который потом поил их «вином и просил, чтобы истины не показывали» (РГИА. Л. 5). В деле упоминаются факты спаивания Струйским чиновников и свидетелей, проводивших расследование в сентябре 1816 года.

Как было установлено позднее, в ночь после смерти крепостного Струйский ездил за советом к провинциальному секретарю Воронину, спрашивая совета о действиях после смерти поротого им дворового. Он заезжал к нескольким дворянам, прося водки и денег взаймы. Во время этих ночных визитов он кратко рассказывал знакомым о смерти Семёнова. Позднее его слова были истолкованы как признание того, что крепостной был наказан по его приказу и умер вследствие наказания.

Экспгумация тела показала наличие множества ран. Эксперт-лекарь Эклау под присягой показал, что смерть стала следствием побоев. Помещик официально и категорически отрицал факты избиения, порки, воздействия на расследование, заявил, что ему не известны причины смерти Семёнова. Однако Струйский был официально обвинен в неумеренном наказании «дворового своего человека», который «от того вскоре умер» (РГИА. Л. 1 об.), и арестован.

При рассмотрении дела суды применили ст. 13 гл. 2 Соборного уложения 1649 года, согласно которой свидетельские показания

крепостных не являлись доказательствами по уголовном делу против помещика; указ 28 апреля 1775 года, содержащий норму «не домогаться от подсудимых сознания, где есть достаточные причины к доказательству преступлений»⁷; ст. 6 и 25 Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства 21 апреля 1785 года о преступлениях, разрушающих дворянское достоинство. Был применен ряд норм уголовного права, в частности артикулы 154, 163 гл. 19 Артикула воинского 26 апреля 1715 года.

Первой инстанцией был Саранский уездный суд. 16 февраля 1817 года Струйский был признан виновным, лишен дворянства, чинов и приговорен к ссылке в Сибирь на поселение.

Вторая инстанция, Пензенская уголовная палата, 13 июня 1818 года приняла решение: оставить Струйского «в подозрении и передать церковному покаянию», после которого помещик был бы свободен (РГИА. Л. 29–30). Было ли решение принято под влиянием семейства Струйских? Был ли — в соответствии с мнением дворянского сообщества губернии — Л. Н. Струйский не столько буйным пьяницей, которого знали как опасного человека соседи по уезду, сколько одним из дворян губернии, наказавшим своего дворового человека? Таким непутевым дворянином, который требует церковного покаяния, но не ссылки? Решение суда доказывалось ссылкой на ст. 13 гл. 2 Уложения 1649 года, согласно которому доносы крепостных на помещиков не могли служить доказательством — «тому их извету не верить». Причем упоминалась и угроза наказания для таких крепостных. Отметим, что свидетельские показания медицинского чиновника, дворянина, подтвердившего истинные обстоятельства дела, другие доказательства не были приняты во внимание. Суд выражал сомнение, что дворовые стали бы выполнять приказ барина, который находился в невменяемом состоянии, а если бы такое указание Струйский и сделал, то это не был приказ «лишить жизни», а значит, «нельзя счесть его за прямого убийцу» (РГИА. Л. 30). После отбытия церковного покаяния и возвращения помеща из распоряжения дворянской опеки Струйскому с него должно было быть взято обязательство, «дабы участвующим в сем деле людям наказания никакого не чинить, но в случае вины для исправления отсылать в земскую полицию» (РГИА. Л. 30 об.).

⁷ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года по 19 ноября 1825. СПб., 1830. Т. 40. № 30563. С. 576–578.

Пензенский губернский прокурор Барановский 14 июня 1818 года опротестовал это решение, указывая на показания двух дворян, которым сам Струйский в ночь после смерти Семёнова признался в наказании крепостного. Прокурор считал, что Струйский должен понести назначенное ему Саранским уездным судом уголовное наказание.

Приговор был передан для утверждения Пензенскому гражданскому губернатору. 19 августа 1818 года М. М. Сперанский согласился с решением суда первой инстанции и заключением губернского прокурора. Анализ решения М. М. Сперанского приводится ниже. Любопытно, что в биографии поэта А. И. Полежаева, изданной в конце XIX века, содержится утверждение, что именно М. М. Сперанский отдал под суд Л. Н. Струйского и добился его ссылки в Сибирь. Следует считать данное утверждение свидетельством определенной репутации М. М. Сперанского. Не выявлены доказательства непосредственного участия М. М. Сперанского в наказании преступника, помимо тех, что сохранились в уголовном деле⁸.

Дело было передано в Сенат. 5 марта 1819 года 1-е отделение 6-го департамента Сената признало поступки Л. Н. Струйского последствием болезни и утвердило акт Пензенской уголовной палаты. Сенат не признал умысел Струйского на смерть крепостного, что действительно подтверждается материалами дела. Но Сенат не сделал и вывод о причинении смерти по неосторожности. Доводами послужили длительное содержание обвиняемого под стражей, его алкоголизм. Сенат «положил... отослать его для очищения совести в отдаленный Пензенской епархии монастырь на церковное покаяние» (ГАИО. Л. 12–12 об, РГИА. Л. 30). Отметим, что Сенат при этом признал сам факт истязаний, который отрицался губернским судом (РГИА. Л. 39 об.). Очевидно, что Сенат принял в данном деле сторону помещиков, сравнительно снисходительно оценив правонарушение против крепостного.

М. А. Корф приводит пример другого процесса по иску государственных крестьян, в котором М. М. Сперанский ходатайствовал о пересмотре судебного акта через министра юстиции, благодаря чему император направил дело на новое рассмотрение⁹. И в деле Струйского министр юстиции Д. И. Лобанов-Ростовский представил

⁸ Полежаев А. И. Собрание сочинений с биографией. М., 1894. С. I–II.

⁹ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 2. С. 133–134.

особое мнение, в котором доказывал совершенную несостоятельность оправдательных доводов Сената, поддержал обвинительный приговор уездного суда и мнение Пензенского гражданского губернатора. Деяние помещика было названо зверством, и было указано, что совершение действия в состоянии опьянения по законодательству не может считаться оправдательным обстоятельством.

Государственный совет в качестве апелляционной инстанции¹⁰ 19 декабря 1818 года рассмотрел все представленные документы, поддержал мнение губернатора, утвердив приговор Саранского уездного суда — лишение чина, дворянства и ссылка на поселение (ГАИО. Л. 13). На решении в ноябре 1819 года император написал резолюцию «быть по сему».

В 1820 году Струйский был сослан, о чем поступило сообщение, хранящееся в Государственном архиве Иркутской области в бумагах Иркутского губернского правительства.

Как видим, сторонниками сурового наказания помещика были суд первой инстанции, губернский прокурор, гражданский губернатор, министр юстиции, Государственный совет и император. Церковное покаяние и сохранение дворянства — позиция суда второй инстанции и Сената.

Крепостные, проводившие экзекуцию, были направлены на церковное покаяние «насколько от духовной власти назначено будет». Дело трех чиновников, сфальсифицировавших доказательства в период первоначального расследования, было направлено в Пензенский уголовный суд. Дело священника, участвовавшего в фальсификации доказательств, передавалось церковным властям.

Была признана законной «изорванная» Струйским отпускная малолетней дочери умершего Семёнова Авдотьи, которая в ночь экзекуции была направлена к Струйской «для научения ткать ковры», а, по сути, как можно думать, для сохранения контроля за семьёй Семёновых (отметим, что мать Струйского отказалась признать ничтожность отпускной, признавая таким образом данную сыном личную свободу Авдотьи Семёновой). Суды признали также отпускную дворовому человеку Фёдору Григорьеву. Этому пятнадцатилетнему подростку Струйский в июле 1816 года дал вольную, а в августе 1816 года женил его на своей беременной двадцатилетней наложнице Василисе Афанасьевой. На новое рассмотрение в первую

¹⁰ История суда и правосудия в России. Т. 3. М., 2019. С. 504, 516.

инстанцию было направлено дело о подлинности отпускной Афана-сьевой, которая была датирована 27 июля 1816 года, а предъявлена в Краснослоботский уездный суд только 11 ноября, когда Струйский «находился под судом и содержался под арестом».

Какие же принципиальные моменты в решении М. М. Сперанского по делу Л. Н. Струйского важны для понимания представлений юриста о суде и правосудии?

Первый из них — объективная, системная и комплексная оценка доказательств. М. М. Сперанский учитывал показания медицинского чиновника, который под присягой показал, что дворовый человек умер от побоев. Данный подход позволил принять правомерное решение, даже не учитывая показания крепостных против помещика, что не позволяло действовавшее законодательство. В деле действительно есть показание свидетеля — дворового человека Василия Михайлова, что один из дворовых, участвовавший в экзекуции, Савелий Игнатов «говорил..., что дело об умершем Семёнове надобно все валить на барина» (РГИА. Л. 18). М. М. Сперанский, очевидно, полагал, что комплекс доказательств позволяет квалифицировать действия подсудимого как преступные и вынести приговор, несмотря на отрицание Л. Н. Струйским не только своей вины, но самих фактов побоев. Ведь объективные факты подтверждаются рядом доказательств — показаниями свидетелей-некрепостных, заключением экспертов, протоколами вскрытия тела, утверждениями свидетелей-дворян.

Второй принцип, который важен в позиции М. М. Сперанского в данном деле, связан с тем, что подсудимый не признал свою вину. В судебной практике Российской империи до 1825 года господствовало два взаимоисключающих подхода к доказательству виновности подсудимого в совершенном преступлении. Первый: при наличии достаточных доказательств суд правомочен был вынести приговор подсудимому, установить ему уголовное наказание даже при отказе подсудимого признать вину. Как видно из материалов дела, М. М. Сперанский признавал правильным данный подход. Второй: подсудимый не мог быть признан виновным, если не признал свою вину сам, суд определял приговором, что подсудимый остается «в подозрении». Данный подход в деле продемонстрировали Пензенская уголовная палата и Сенат. 27 октября 1825 года был опубликован сенатский Указ «Об оставлении в своей силе указа 1775 апреля 28, повелевающего не домогаться от подсудимых сознания, где

есть достаточные причины к доказательству преступлений»¹¹. Им подтверждались положения указа 28 апреля 1775 года, согласно которым при наличии необходимых и достаточных доказательств преступления, то «нет тут ни малейшей нужды употреблять истязание, и домогаться от подсудимого» признания собственной вины. Сенатский акт 1825 года подтверждал правильность понимания М. М. Сперанским системы доказательств в уголовном процессе, которое он продемонстрировал еще в 1818 году в деле Л. Н. Струйского. При отсутствии признания подсудимым обвинения были собраны необходимые и достаточные доказательства, позволившие вынести приговор, а не «оставить Струйского в подозрении и передать церковному покаянию» (ГАИО. Л. 12).

Третий принцип, который мы видим в решении М. М. Сперанского по делу Л. Струйского, — передача административных и судебных полномочий помещиков в отношении крепостных государственным органам. Мы констатируем признание правомочий именно государственных органов, а не помещиков, осуществлять административно-правовое и уголовное преследование крепостных крестьян (в частности, право проводить предварительное расследование). М. М. Сперанский определил «наследников Струйского обязать подпискою, дабы крепостных людей, участвовавших в сем деле, когда они поступят в их владение, не наказывали, но в случае вины отсылали бы в полицию» (РГИА. Л. 12). Данное требование развивает решение Пензенской уголовной палаты об отсутствии наказания помещиком крепостных, дававших показания против него. Мы видим, что в этом частном примере проявляется общая тенденция — расширение полномочий государства, которое вынуждено вмешиваться в противостояние «помещик — крепостной». Сказанное относится к расширению полномочий полиции по отношению к крепостным, принадлежащим частным лицам. В данном конкретном случае и только в отношении конкретных крестьян был установлен принцип, важный для личного освобождения земледельцев в Европе, — землевладелец лишался права суда, которое является монополией государства. В деле Л. Н. Струйского данный принцип применен только к тем крепостным, кто участвовал в деле, но ко

¹¹ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года по 19 ноября 1825. СПб., 1830. Т. 40. № 30563. С. 576–578.

всем видам их правонарушений, которые должна была бы расследовать полиция.

Четвертый принцип касается обеспечения гарантии безопасности свидетелей. Ведь передачей их потенциальных дел в подведомственность государственных органов исключалась, насколько это возможно, месть наследников Струйского крестьянам, давшим показания против своего помещика.

Пятый принцип — системность в рассмотрении и разрешении судом конкретных социальных конфликтов, связанных с действительными или предполагаемыми нарушениями норм права. Обращаем внимание на квалификацию преступления, включающую как выявление вины, так и определение объективной стороны (определение последствий деяния). Деяние квалифицировано. Выявлены его объект, субъект, объективная и субъективная стороны. Ведь Пензенская уголовная палата ссылалась на два юридических факта (на «помешательство ума» Л. Струйского и на недопустимость принятия в качестве доказательства свидетельств крепостных против помещика, не учитывались, например, показания чиновников и акт об эксгумации). Правительствующий Сенат указывал только на отсутствие умысла на убийство и предварительное двухлетнее «содержание под стражей». Системная оценка преступления противопоставлена дискретной, выборочной оценкой отдельных характеристик деяния.

Шестое и, возможно, главное — следование М. М. Сперанского принципам справедливости правосудия и неотвратимости наказания. Изучение материалов уголовного дела свидетельствует о виновности помещика в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего. Но, очевидно, личная заинтересованность или запуганность чиновников и священника привели к тому, что насильственный характер смерти официально не признавался властями с 22 сентября по 1 октября 1816 года. Преступник фактически не был бы наказан и по решениям Пензенской уголовной палаты и Сената. Справедливость восстановило вмешательство М. М. Сперанского, отказавшегося утвердить такой приговор.

М. М. Сперанский был сторонником представлений о правосудии как обеспечении государственно-правовыми механизмами справедливости и христианского Закона. Именно необходимость «нравственного уважения правды» судами он считал важным в по-

строении российского судоустройства¹². Важнейшей миссией всего государства, в том числе и суда, представлялось ему обеспечение социальной стабильности. В этом смысле дело Струйского показывает максимально возможное гарантирование порядка и справедливости (как ни странно сегодня звучит это слово по отношению к не свободному лично человеку) в реалиях, сложившихся в крепостной России за полвека между Отечественной войной 1812 года и Крестьянской реформой 1861 года.

Принципиально важно для понимания взглядов М. М. Сперанского на право и государство то, что они мыслились как производные от нравственных и социально-экономических реалий. В этом смысле правосудие вторично по отношению к существующим общественным отношениям, может на них воздействовать, но не определяет их сущности. Правосудие вершится над людьми. Такими, как Леонтий Струйский. Такими, как дворовый человек Фёдор Остафьев, державший во время экзекуции в сентябре 1817 года зазекаемого дворового, а уже на Масленицу 1817 года воровавший с Иваном, сыном замученного, «господский кузнечный инструмент». Такими, как семь человек дворовых и крестьян, державших руки и ноги жертвы. Такими, как двадцать пять крепостных Струйских, которые «под присягою отозвались незнанием». Такими, как штаб-лекарь Европейцев, показавший сразу после гибели человека, что смерть наступила от «полнокровия». Такими, как заседатель Метельников, у изуродованного тела спрашивающий сына умершего, каким образом умер его отец, и на ответ «что он сам может видеть, как тело избито... сказал, что он не лекарь» (РГИА. Л. 4). Такими, как священник села Михайловки о. Михаил (Фёдоров), который подписал ложные показания свидетелей, а при повторном расследовании оправдывал себя тем, что подписал их не читая, «а было так как говорят свидетели» (РГИА. Л. 8). Все эти факты — как и действия людей, добившихся правосудия, — говорят об уровне правосознания общества эпохи М. М. Сперанского.

Уголовное дело содержит свидетельства глубокого социального напряжения в отношениях землевладельца-помещика и крепостного. Причем речь идет не только о борьбе за экономическую самосто-

¹² Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1894. Т. 90: Бумаги «Особого секретного комитета», учрежденного Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826. Ч. 2 / Изд. под наблюд. А. А. Половцова. С. 191.

тельность, но и о проявлении в этом противостоянии неуважения крепостных к легальности имущественных прав. В деле приводятся свидетельства, что крестьяне верили, «что они будут вольные» после ареста барина, который теперь «уже мужик» (РГИА. Л. 17 об.). М. М. Сперанский, читавший дело, мог наглядно видеть элементы негативного отношения к землевладельцам со стороны крепостных. В период правления Александра I и Николая I М. М. Сперанский искал выход из дилеммы крепостничества — самой острой проблемы социального неравенства, патологии экономической жизни России¹³.

Подчеркнем, что дело Струйского является частным примером общей тенденции — роста в России потребности в новом государственно-правовом механизме разрешения социальных конфликтов. Все более очевидным становилась необходимость справедливого законного суда, эффективного разрешения социальных конфликтов и наказания нарушивших нормы права. Требовалась защита не только личных, но и имущественных прав. Уголовное дело пензенского помещика наглядно демонстрирует несоответствие правоприменительной практики крепостничества потребностям новой эпохи жизни страны. Мы видим контекст, в котором М. М. Сперанский формулировал тезис о роли правосудия для эффективной работы государственного аппарата.

Подлинное значение М. М. Сперанского как юриста и государственного деятеля — в том, что им было сделано в кодификационной законопроектной работе, научно-практической и образовательной деятельности в первой половине XIX века, в его участии в судебных процессах для формирования системы не столько «бюрократического», но эффективного государства, построенного на признании правосубъектности человека, его прав, законных интересов и обязанностей.

«Волшебное стекло» кодификатора не искажало, а в деталях показывало юристу-теоретику — государственному деятелю те социальные проблемы, которые влияли на реальную практику правосудия в России. Мы видим тяжелую борьбу человеческого достоинства, стремления к справедливости, веры в защиту государством

¹³ Александров А. А. Европейские земельные реформы XVIII — первой половины XIX вв. и предложения М. М. Сперанского по крепостной проблеме // Новый исторический вестник. М.: РГГУ, 2004. № 2 (11). С. 36–56.

своих подданных с негативными последствиями личной зависимости дворовых и крестьян, сословной солидарности дворянства. Бросаются в глаза аморальность и нарушения христианской этики преступниками. Очевидны пороки правосознания чиновничества, которые делали возможными нарушения процессуальных норм. Текст уголовного дела тягостно описывает алкоголизм как одну из красок в картине быта помещичьей усадьбы и деревни. Именно негативным явлениям общественной жизни противостоят суд и закон.

Анализ материалов судебного дела приводит нас к выводу, что М. М. Сперанский, будучи теоретиком судебной власти и правосудия, усматривал в нормах материального и процессуального права, регулировавших правоотношения, большее — природу общественных отношений. Сочинения юриста о суде, судоустройстве и судопроизводстве 1807–1838 гг. подтверждают данный тезис. Мыслитель осознавал необходимость отхода от законодательства и практики крепостнического по своей сути судопроизводства к правосудию, построенному на принципах равного доступа к правосудию, к гарантиям каждому подданному судебной защиты его прав. Деятельность и идеи М. М. Сперанского формировали и предвосхищали доктрину судебной реформы 1864 года. Актуальность и историческое значение наследия мыслителя и государственного деятеля очевидны сегодня.

Список литературы:

1. Александров А. А. Вклад М. М. Сперанского в формирование доктрины судебной власти и правосудия // Имена московской науки: материалы Международной научно-практической конференции. М.: МГУУ, 2018.
2. Александров А. А. Европейские земельные реформы XVIII — первой половины XIX вв. и предложения М. М. Сперанского по крепостной проблеме // Новый исторический вестник. М.: РГГУ, 2004. № 2 (11).
3. Боленко К. Г. Верховный уголовный суд в системе российского правосудия: конец XVIII — середина XIX вв. М., 2013.
4. Воронин И. Новые данные о Полежаеве. Саранск, 1940.
5. История суда и правосудия в России. Т. 3. М., 2019.
6. Иркутское губернское правительство. Оп. 1. Д. 10. Статейные списки и уведомления о сосланных в Сибирь из разных губерний на каторжные работы и поселения. 1820 г.
7. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 2.

8. *Полежаев А. И.* Собрание сочинений с биографией. М., 1894.
9. Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года по 19 ноября 1825. СПб., 1830. Т. 40. № 30563.
10. РГИА. Ф.1151. Оп. 1 за 2019. Д.70. О губернском секретаре Л. Струйском, судимом за неумеренное наказание дворового человека М. Семёнова; ГАИО. Ф. 713.
11. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1894. Т.90: Бумаги «Особого секретного комитета», учрежденного Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826. Ч.2 / изд. под наблюд. А. А. Половцова.